

Уэллс Герберт Джордж.

**Полное собрание
фантастических романов Г.
Дж. Уэллс**

Том 8

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Г37

Г37 **Герберт Джордж. У.**
Полное собрание фантастических романов Г. Дж. Уэллс: Том 8 / Уэллс Герберт
Джордж. – М.: Книга по Требованию, 2022. – 288 с.

ISBN 978-5-519-78596-9

ISBN 978-5-519-78596-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Фантастический роман, как правило, роман тенденциозный. Освоившись от уз, налагаемых реалистическим повествованием, автор все свое внимание отдает занимающей его тенденции.

В то же время мастерство фантастического романа заключается в том, чтобы прочными нитями связать действительность и фантастику, придать ей возможное правдоподобие, достаточно искусно мотивировать ее и тем самым заставить читателя хотя бы на минуту поверить в необычайный вымысел.

Герберт Уэллс,—классик научно-фантастического романа,— в высшей мере обладает этим искусством. Ему на помощь приходит не только богатая эрудиция, но и тонкий юмор, снижающий фантастическую ситуацию до уровня повседневного. Автор словно сам недоумевает по поводу тех необычайных положений, в которые попадают его герои, он сам тонко подшучивает над ними.

Страницы, посвященные ученым Бенсингтону и Редвуду («Пища богов»), Борнстеплу и Блетсворти («Люди как боги» и «Блетсворти на острове Ремполе»), соединяют в себе юмор «Записок Пиквикского Клуба» с изощренной, научно мотивированной фантастикой.

Как писатель Уэллс чрезвычайно продуктивен. Им написано около ста романов и повестей. Мир, человечество, его будущее — центральный мотив его творческих раздумий.

Автор «Пищи богов» пессимист. От его взгляда не укрываются противоречия, разрушающие классовое, капиталистическое общество. Мы находим у Г. Уэллса целый цикл романов, посвященных истребительным войнам будущего. Он видит Европу в развалинах, среди которых бродят одинокие вырождающиеся потомки когда-то многочисленных народов («Борьба миров», «Война в воздухе»). Ряд его произведений говорит о том упадке, который несет миру капиталистическая эксплуатация («Когда спящий проснется», «Первые люди на луне»). И, словно утомленный этими зловещими видениями, Г. Уэллс непрочь пометчать о гармоническом обществе, идущем на смену эксплуатации, насилию и войне («Люди как боги»). Именно к этой группе произведений принадлежит его роман «Пища богов».

В нем нет еще той отчетливости, которая характерна для произведений Г. Уэллса послевоенного периода. «Пища богов» в значительной мере окутана дымкой символов. Но тенденция романа — осуждение современного капиталистического общества во имя смутно представляемого, но прекрасного будущего,— в достаточной мере характерна для Уэллса.

«Пища богов», изобретенная чудаками-учеными Бенсингтоном и Редвудом, вызывает экстенсивный рост в органическом мире. Люди, животные, травы начинают расти с необычайной быстротой. Рядом с миром пигмеев вырастает новый мир гигантов. И мир гигантов вступает в борьбу с миром пигмеев. Роман насыщен теми демократическими идеями, которые с таким длительным жаром исповедует Уэллс. Подобно каждому мелко-буржуазному демократу, он не столько ищет дорогу к будущему, сколько выпендренно декламирует о нем, обычно приберегая фейерверк либеральной фразеологии к концу своих произведений.

В лучшем случае он мыслит будущее как диктатуру людей науки, предполагая, что человечество рано или поздно должно будет «цивилизироваться» — преклониться перед силой идей более возвышенных и прекрасных, чем те, которые воодушевляют современную Европу.

«Я верю в то, что путем планомерной системы воспитания общества существующий капиталистический строй может цивилизоваться», — писал в 1920 году Герберт Уэллс.

Но если будущее в творчестве Г. Уэллса проблематично, то настоящее не оставляет никаких сомнений. Мир пигмеев ненавистен для гигантов — людей будущего. Они стремятся «вырасти из этих щелей и трещин, вырваться из мрака на просторы и свет всей вселенной».

Пройдут года, и Блетсворти, участник кровавой войны, будет с той же мечтательной простотой говорить о Европе, «задыхающейся в темном каннибальском ущелье», будет простирать руки к неведомому, но прекрасному будущему. Гиганты с презрением и негодованием говорят о мире пигмеев, построенном на эксплуатации и насилии. Они противопоставляют ему грядущее, которое похоронит «мир бесчисленного множества маленьких людишек, мир мелкой зависти и дурных дел, скредной скупости и безвкусной, бессмысленной роскоши, мир тщеславия, интриг и лицемерия, мир игроков, обманщиков и спекулянтов, тот мир, в котором нет ни творчества, ни воображения, ни веры, ни надежды, ни любви, ни мужества, — ничего, кроме низости, тупости, рутины, злобы».

Но эта искренняя и пылкая тирада не делает Уэллса сторонником социальной революции. Уэллс — сторонник мирного эволюционного социализма, исповедуемого мелкобуржуазной демократией Англии. И потому, десять лет назад наведя не фантастическую, но подлинную страну гигантов, объявивших непримиримую борьбу пигмеям буржуазного общества, он, один из крупнейших и талантливейших писателей Англии, ровно ничего не понял в событиях, происходивших в России. Г. Уэллс оставил после своего визита в Россию книгу, которая навсегда, несмотря на огромное литературное дарование автора «Пищи богов», останется памятником филистерского суждения о социалистической революции, своего рода «исповедью» пигмея, побывавшего в стране гигантов.

А. Старчаков

КНИГА I

ПИЩА БОГОВ

ГЛАВА I

Открытие пищи

1

В половине девятнадцатого столетия в нашем весьма странном мире впервые начинает разрастаться класс людей, в большей части случаев пожилых, которых совершенно правильно называют «учеными», но которые терпеть не могут этого названия. Они до такой степени его не любят, что в журнале «Природа», с самого начала ставшем их привилегированным органом, слово «ученый» никогда не употребляется, как будто бы его совсем нет и в лексиконе. Но публика и пресса, тем не менее, величает их «учеными», когда о них пойдет речь. «Многоуважаемый ученый», «наш известный ученый», «маститый ученый» — так мы их обычно величаем.

Как мистер Бенсингтон, так и профессор Редвуд, несомненно, заслужили любое из вышеозначенных добавлений к слову «ученый», еще до своего чудесного открытия, о котором говорится ниже. Мистер Бенсингтон был членом Королевского общества и экс-президентом Химического общества, а профессор Редвуд читал физиологию в Бонд-Стритской коллегии Лондонского университета и периодически подвергался жестокой травле со стороны антививисекционистов. Оба с ранней юности посвятили себя науке и жили академической жизнью.

Как и все ученые, они обладали довольно невзрачной наружностью. В манерах и фигуре любого актера левой руки пораздо больше самоуверенности,

чем во всех членах Королевского общества, вместе взятых. Мистер Бенсингтон был мал ростом, плешив и слегка заикался; он носил золотые очки и мягкие ботинки, во многих местах разрезанные ради мозолей. В наружности профессора Редвуда тоже не было ничего замечательного. До открытия «пищи богов» (я настаиваю на этом названии) они жили в такой неизвестности, какая выпадает на долю лишь выдающимся ученым, а потому я ничего не могу сообщить читателю об их прошлом.

Мистер Бенсингтон завоевал свои шпоры (если можно так выразиться о джентльмене, носящем мягкие ботинки) замечательным исследованием ядовитых алколоидов, а профессор Редвуд прославился... не помню уж, чем он прославился! Знаю только, что чем-то очень важным. Кажется, он написал толстую книгу о мышечных рефлексах, с многочисленными диаграммами и прекрасно составленной новой терминологией.

Широкая публика, конечно, ничего не знала ни об одном из этих джентльменов. Иногда, впрочем, в таких местах, как Королевский институт или Академия художеств, она имела случай полюбоваться багровой плешью и стоячими воротничками мистера Бенсингтона и послушать его бормотанья. Раз, помню, очень давно, когда Британская ассоциация заседала в Дувре, я случайно попал в одну из ее секций — не то С, не то В, не то другая какая-то буква — и вслед за двумя очень серьезными дамами просто из любопытства проник в темный зал, на одной из стен которого ярким пятном выступал круг от волшебного фонаря с непонятными для меня диаграммами профессора Редвуда. Долго смотрел я на беспрестанно менявшиеся рисунки, прислушиваясь к шипенью фонаря, к тихому голосу профессора и к другим каким-то звукам, совершенно необъяснимым,

как вдруг зал осветился, и я понял, что эти последние звуки обуславливаются дружным жеванием булок и сэндвичей, принесенных с собою запасливыми членами ассоциации.

Редвуд продолжал говорить, прохаживаясь перед экраном, на котором только что красовались его диаграммы. Вид у него был самый обыкновенный — черно-волосый, худенький, нервно-торопливый, очевидно, занятый чем то посторонним, читающий только доклад.

Бенсингтона я тоже слышал один раз, на педагогическом с'езде в Блумсбери. Подобно большинству химиков и ботаников, он считал себя знатоком в педагогии, хотя, по-моему, не годился бы даже в учителя низшей школы. Насколько я помню, мистер Бенсингтон пропагандировал тогда какое-то усовершенствование в эвристическом методе профессора Армстронга, благодаря которому с помощью аппаратов, стоящих триста-четыреста фунтов, и при исключительном внимании к делу, как учеников, так и учителей, можно было бы самого обыкновенного мальчика в течение десяти-двенадцати лет обучить химии так же хорошо, как и по дешевым, распространенным тогда учебникам.

Помимо своей учености, оба почтенных джентльмена были самыми обыкновенными людьми, как видите. Пожалуй, даже менее практичными — это можно сказать обо всех ученых на свете. Большая публика не находит в них, обыкновенно, ничего замечательного, а мелочи, напротив, всем бросаются в глаза.

Вообще нет более мелочных людей, чем ученые. Живут они по большей части в тесном кружке собратий по науке, почти в монастырской обстановке, вечно заняты своими исследованиями и ничем другим не интересуются, кроме своего мелочного самолюбия. Забавно смотреть на какого-нибудь маленького, сухонь-

кого, седенького, неловкого и самодовольного «великого» ученого, когда он, украшенный широкой лентой какого-нибудь ордена, принимает поздравления своих коллег. Забавно читать в журнале «Природа» ламентации на тему о «презрении к науке», когда ангел новогодних наград минует членов Королевского общества, не оставив им ничего на память. Забавно слушать какого-нибудь неутомимого труженика в области гистологии тайнобрачных, когда он критикует труды другого такого же труженика той же почтенной науки. Все это только иллюстрирует человеческую мелочность.

Несмотря на свою мелочность, однакоже, наши двое ученых сделали удивительное открытие, чреватое важными последствиями для человеческого рода, такое, которое было бы под силу только очень большим людям. Они, пожалуй, сами не сознавали важности того, что делают. Положим, и мистер Бенсингтон и профессор Редвуд в юности, избирая себе профессию, отдавая свои силы соответствующим наукам, не могли не руководствоваться отчасти и фантазией — мечтами о славе, о величии своего призвания. Без такой мечты разве мог бы молодой человек всецело отдаться делу, которое сулит ему только положение «ученого»?

Нет, они, несомненно, понимали, что делают, несомненно, мечтали, а не только копались в науке. Но величие открытия осенило их настолько, что сами они, увидав это величие вблизи, перестали верить в него.

Поэтому-то, может быть, Редвуд сделался таким неуживчивым, раздражительным.

2

Я называю «пищей богов» то вещество, которое открыли Бенсингтон и Редвуд,— последующие события

доказали уже, да и впредь не перестанут доказывать, что я нисколько не преувеличиваю.

Но мистер Бенсингтон был, в сущности, так же не способен дать своему открытию это название, как выйти из своей квартиры на Слэн-стрите в пурпурной тоге и лавровом венке. Это название вырвалось у него в первую минуту, под влиянием научного восторга, но он тотчас же признал его нелепым. Как подобает настоящему «ученому», увидав величие вблизи, он тотчас же закрыл перед ним глаза. Окрестить свое открытие «пищей богов» ему показалось почти наглостью. Он даже удивился, что такое название вырвалось у него в первую минуту.

А все-таки... а все-таки я полагаю, что в глубине души он и сам не знает настоящую цену своему открытию: это сказывается у него иногда...

— Ну да, знаете ли,— говорил он, потирая руки и нервно посмеиваясь,— это представляет интерес не с одной только теоретической точки зрения...

Затем, нагнувшись к уху профессора Редвуда, он прошептал:

— При надлежащей постановке дела мы могли бы, пожалуй, предлагать это как пищу, или, по крайней мере, как составную часть пищи.

— Как назвать? — продолжал он, отвечая на вопрос Редвуда и пристально рассматривая разрезы на своих мягких ботинках. — Мне бы казалось, что нужно остановиться на каком-нибудь тонком классическом намеке... Это соответствует достоинству науки. Я думал... вы, может быть, найдете мою фантазию смешной... но иногда позволительно немножко пофантазировать... что вы скажете насчет Гераклеофорбии? А? Пище Геркулеса? Но если это вам не нравится...

Редвуд сидел молча и ничего не возражал.

— Можно, пожалуй, назвать Титанофорбией — пищей титанов... Вы предпочитаете первое название? Вы не находите, что оно несколько...

— Нет, не нахожу.

— А, тем лучше! Очень рад!

Так они называли свое открытие Гераклеофорбией. Это название употреблено и в докладе Королевскому обществу, который, однакоже, так и не был напечатан вследствие дальнейших неожиданных событий. Собственно говоря, было четыре сорта Гераклеофорбии, и только последний из них, четвертый, я называю здесь пищей богов.

3

Идея открытия принадлежала Бенсингтону, но так как она была подсказана ему одной из работ профессора Редвуда, то Бенсингтон считал долгом посоветоваться с этим джентльменом о дальнейшей работе. Сама идея была в равной мере и из области физиологии и из области химии.

Профессор Редвуд принадлежал к числу ученых, питающих пристрастие ко всевозможным диаграммам и кривым. Вы ведь знакомы, конечно, с научными работами этого рода. Текст в них обыкновенно очень краткий, а в конце помещены пять или шесть больших складывающихся листов с диаграммами, на которых начерчены неудобопонятные кривые и ломаные, сплошные или обозначенные пунктиром, иногда разноцветные линии с абсциссами и ординатами. При взгляде на них невольно приходишь к заключению, что не только ничего не понимаешь, но и сам автор едва ли понимал то, что чертил. Но на самом деле многие ученые хорошо понимают свои диаграммы, только не умеют их сделать понятными и для нас.